Карьера Паши Горелова

Общая газета. — 1998. — 19-25 февр. — с. 13

От старого кинофильма ее отличает слишком многое

Выполняя невесть кем спущенную разнарядку по ностальгии, ТВ-Центр запустил свой самый дорогой, масштабный и амбициозный проект — часовую программу «Мои дорогие», выходящую дважды в месяц, изобретенную и ведомую Павлом Гореловым.

Стиль «ретро», идеально вписывающийся в концепцию современного телевидения, практически одинаков на всех каналах: время поисков и формотворчества уже года три как сменилось любовным воспроизведением семидесятнических рецептов. После показа-перепоказа нашего старого кино, после встреч с его героями, после всевозможных хроник и цитатных программ вроде «Старого телевизора», настало время ток-шоу старого образца. В СССР самым популярным ток-шоу была, естественно, программа «От всей души». Проект Горелова, чего не скрывает сам Павел Геннадьевич, является своеобразным римейком той старой программы или, добавим мы, чем-то средним между нею и «Старой квартирой». Горелов рассказывает истории своих гостей, заново знакомит их друг с другом, признается в любви к залу и, надо признать, делает это не менее искренне, чем в свое время Валентина Леонтьева. Оно и немудрено. Наши люди, какими их представляет себе Павел Горелов, — герои столь любимой им соцреалистической и производственной прозы. Ведь не кто-нибудь наш герой, а кандидат филологических наук. Правда, до популярности тети Вали Горелову пока далековато. Очень уж фальшивы его интонации, а главное — слишком просвечивает сквозь маску «лучшего друга стариков и детей» лицо комсомольского вожака. Многие помнят Павла Геннадьевича еще по телеканалу «Дважды два», где он особенно любил беседовать с представителями силовых структур и демонстрировал при этом прямо-таки мазохистское подобострастие. Он часто там клялся в любви к нашей опозоренной армии, дискредитированной милиции и доблестной службе государственной безопасности. Но карьера Павла Геннадьевича началась значительно раньше — в 1990 году, по итогам IX совещания молодых писателей, Горелов выпустил в достославном издательстве «Молодая гвардия» книгу литературно-критических статей «Кремнистый путь».

Эта книжка благополучно забылась бы, как сотни ей подобных, но была в ней такая оголтелость, что автор поневоле обратил на себя общее внимание. Так изничтожать Бродского и Пастернака даже в милые нашему сердцу семидесятые годы умели немногие. Первый опубликованный советский отзыв на Нобелевскую премию Бродского (1987) — гореловская статья в «Комсомолке» — называлась «Мне нечего сказать». Возмущенным письмам читателей не было конца: у нас все-таки многие читали Бродского и могли кое-что возразить на утверждение, что это пустой, глубоко нерусский и незаслуженно раздутый поэт. Не нравилось Горелову экзистенциальное отчаяние, что поделаешь. Ему нравился пафос великих строек. Человек этот уникален еще и тем, что (вот уж подлинно редкость для его единомышленников) храбр. Что на уме, то и на языке. На одном из круглых столов журнала «Наш современник» Павел Геннадьевич заявил, что Цветаева правильно повесилась. «Она сама себя осудила, присудила...» За отрыв от народа. Сам Горелов жил в Елабуге и ничего с ним не случилось, город отличный, и потому — нечего рассказывать страшные сказки...

После упразднения «2х2» и реорганизации московского телевещания почти все тамошние ведущие, выделявшиеся скукотой и непрофессионализмом даже на нашем телевидении, были распущены. Уцелел один Горелов, которого Анатолий Лысенко оставил «за способности». Кстати, на наш прямой вопрос о том, зачем на канале человек с репутацией и взглядами Горелова, создатель ТВ-Центра ответил столь же прямо:

— Я не хотел оставлять Горелова. Но, во-первых, его профессиональных достоинств нельзя не признать. Они проявились и в умении строить беседы с Лужковым, он вел их на канале почти весь 1997 год, и это были хорошие диалоги в прямом эфире. А во-вторых, он сам мне сказал, что его прежние единомышленники ему неинтересны. Он хочет теперь попробовать другое.

Удивительно мы незлопамятны! Все наименее рукопожатные люди восьмидесятых-девяностых годов хотят попробовать другое, и ни одна душа не спросит: «Каин, где брат твой Авель?» Александр Невзоров вон тоже захотел другое попробовать. Интересно, что мэры Москвы и Петербурга, столь духовно близкие, по их неоднократным заверениям, сделали телеперсонами номер раз каждый в своем ведомстве Горелова и Невзорова. Невзоров сделался советником Яковлева по реорганизации «Пятого канала», Горелов сначала постоянным собеседником Лужкова, а потом ведущим главного ток-шоу на новом столичном канале. Умел же Горелов льстить Лужкову так тонко, что все время выглядел его оппонентом, но в итоге оказывался плечом к плечу с мэром в борьбе против некоей темной силы... Да и в студии, со своими дорогими обывателями, он выглядит куда убедительнее, чем Валерий Комиссаров с его неуемной клоунадой. Они ведь ему, Горелову, в самом деле дороги. Он дорого бы дал, чтобы в стране все были такие. И никаких возмутителей спокойствия, никаких так называемых творцов, инакомыслящих и прочих врагов порядка.

Руководители ТВ-Центра не без гордости замечают, что шоу Горелова — одно из самых дорогостоящих в сегодняшнем эфире. Кто бы спорил. Но боюсь, что мы платим за него куда большую цену: дискредитируем саму идею народного телевидения. Ибо даже одаренные антисемиты и сталинисты все-таки не имеют права олицетворять новое телевидение. Если, конечно, мы живем в стране, хоть что-нибудь помнящую о своем прошлом. А то сегодня ревнители исторической памяти сами изо всех сил стараются забыть, что они говорили и писали десять лет назад...

Но не выходит у них. Потому что мы-то помним.

Дмитрий БЫКОВ